

Гиллем сказала «Вуе»

Photo by Bill COOPER

Сильви Гиллем. Миниатюра «Вуе» (хореограф Матс Эк) из спектакля «Жизнь продолжается».

Из училищ выпускаются тысячи танцовщиц, которые долго и упорно добиваются ролей. Сильви Гиллем – это одно большое исключение из правил, и судьба ей благоволила. Французская школа дала ей исполнительское мастерство, а физическая форма, как шептались в балетных кругах, досталась от вневременной цивилизации, откуда она прибыла, чтобы изменить стандарты красоты. Самое потрясающее в этой артистке – это сочетание вышеуказанных достоинств с актерским нутром. Как-то задали вопрос хореографу Ла Скала: «Какая из балерин самая странная?», он назвал Гиллем, потому что она умна. Умение мудро управлять таким мощным «оружием» – редкость. Она – золотое руно для современных хореографов, но овладев классическим репертуаром, Сильви вносила изменения в саму игру этих ветхозаветных образов. Переставленная ею сцена сумасшествия в «Жизели» даже на видеозаписи вызывает мурашки. Её жесты в первом акте имеют конкретное значение, в каждом повороте головы вопрос, который ясен зрителю. В ней есть лиризм, притягательность, смущающая открытость в одном взгляде, и жизнь, бьющая изнутри. Она с легкостью приняла правила игры современного танца, и даже эха академизма не осталось и в помине.

«Жизнь продолжается» – гласит афиша вечера. «Моя жизнь» – резюмирует Гиллем в программке. Три вечера в Москве состояли из «Дуэта» Форсайта в исполнении двух мужчин, двух новых работ, поставленных для Сильви, «Techné» Акраама Хана – автора номера «Священные чудовища» и определившего печатное прозвище звезды, «Вуе» Матса Эка, а также «Здесь и потом» Рассела Малифанта. Все они были яркими только за счет того, что «сосуд полон до краев». Вероятно, это создание опередило время, и нет ей равного гения. Хореографы-реформаторы стараются нарушить гармонию линий изломами, спрятать эстетику тела, к которой все стремятся, и непременно усадить в уродливую позу. Мне подобные «нападения» напоминают сцену с растерзанным в клочья парфюмером, когда единственный способ принять прекрасное – это уничтожить. Однако в голубой классике, надо признать, ей с самого начала тесно. Рудольф Нуриев хорошо знал, как раздражает человека, бурлящего возможностями, простой на задворках сцены, поэтому сиюминутно назначил 19-летнюю дебютантку этюлью театра, а также заметил, что она единственная женщина на планете, которой он бы сделал предложение. При всем ореоле желанности и уникальности Сильви Гиллем чужда власти, которая прилагается к этим качествам. Она отрекается от судейства конкурсов, преподавания в школах и управления театрами. Её называют скандальной и своенравной, так как балет – молчаливое искусство, и «голос» танцовщика звучит слишком дерзко, даже если его обладатель отстаивает свое творчество. Сильви Гиллем принимала решения в своей карьере молниеносно. Уходила из театра, где являлась национальным достоянием, танцевала что хотела, выбирала то, что подходит, и теперь завершает карьеру будучи на пике формы. Образ дивы – в рекламе роскошной одежды, коллекционных изданиях модных журналов, а в жизни она своего рода самурай, который довольствуется малым. Читая биографии великих, невольно ищешь место, где они расплатились за славу. Гиллем не приносила себя в жертву искусству, сознательно отказалась от паузы материнства, наслаждалась каждой минутой на сцене.

Начав свой тур в марте с Италии, она завершит его в любимом Токио, где исполнит вдобавок ко всей программе «Болеро» Равеля. Свисающие с балконов театра Моссовета скандировали «браво», хотя такую величину мог бы, но не пригласил театр, славный сегодняшним пристрастием к современным работам, но отчего-то старомодным в проявлении чувств к легендам балета.

Гиллем вновь рискнула, перед уходом представила работы, которые, возможно, не будут поняты зрителем, а могла бы исполнить любого из своих коронных лебедей. И как-то всё не по стандарту, но очень честно перед собой и перед искусством. Прощаясь со сценой, «священное чудовище» смотрит поверх горизонта в будущее и вот-вот скроется за холмом, там, где восходит солнце. В театрах танцуют десятки тысяч – в истории балета остаются единицы. ✧

Елизавета ТАРАНДА